

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1878**

Выпуски 9-12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1878: Выпуски 9-12 / – М.: Книга по Требованию, 2018. – 560 с.

ISBN 978-5-458-37057-8

«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Барте́нев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Барте́нев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Барте́нева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Барте́нев подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Барте́нева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Барте́нева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-37057-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РУССКОЙ ПРАВА

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

1878.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Типографія Лебедева, въ Газетномъ переулкѣ домъ Корзинкина.

1878.

Перепечатка статей и исторических бумаг изъ Русскаго Архива, какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго соглашенія съ издателемъ.

Письма Екатерины Второй къ барону Гримму.

Великая заслуга изданія въ свѣтъ этихъ писемъ принадлежитъ издателю сочиненій Державина, академику Я. К. Гроту, который напечаталъ ихъ съ подлинниковъ (хранящихся въ Государственномъ Архивѣ) въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества». Они писаны пофранцузски и очень изрѣдка понѣмецки. (Эти немногія приписки и замѣтки на Нѣмецкомъ языкѣ составляютъ тоже печатную новостъ: до сихъ поръ мы почти не знали Нѣмецкихъ произведеній Екатеринина пера, ибо, какъ извѣстно, Государыня не любила употреблять Нѣмецкаго языка). Здѣсь представляются въ Русскомъ переводѣ выдержки изъ этихъ драгоцѣнныхъ писемъ, обнаруженіе которыхъ составляетъ эпоху въ изученіи XVIII вѣка и которыя несомнѣнно должны сдѣлаться настольною книгою для историка Екатерины и ея времени.

Сношенія Екатерины съ Гриммомъ (р. 1723 † 1807) начались ранѣе ихъ личнаго знакомства и переписки. На это указываетъ сохранившаяся «вѣдомость о деньгахъ, переводимыхъ къ статскому совѣтнику барону Гримму». Въ ней значитъ, что еще въ 1765 году баронъ Гриммъ получалъ деньги изъ Кабинета Ея Величества, а въ слѣдующемъ году ему переведено черезъ банкира Сутерланда 40 тысячъ рублей. Въ 1785 году (см. ниже, стр. 110), Екатерина пишетъ Гримму, что знаетъ его за честнаго человѣка уже двадцать лѣтъ. Какъ именно начались сношенія, остается пока неизвѣстнымъ; но, судя по количеству переведенныхъ денегъ, надо думать, что Гриммъ исполнилъ какое нибудь значительное порученіе Екатерины. Екатерина была еще великою княгинею, когда Гриммъ уже получилъ литературную извѣстность своимъ остроуміемъ и связью съ Руссо и другими Французскими философами. Его имя извѣстно въ Россіи по стихамъ Пушкина:

Руссо, замѣчу мимоходомъ,
Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ.

Кажется, что Гриммъ представлялъ собою счастливое сочетаніе Нѣмецкой основательности, не безъ чопорности, съ Французскою подвижностью и веселоправіемъ. Онъ жилъ въ Парижѣ, состоя при знатныхъ Нѣмцахъ, которые, по примѣру Фридриха Великаго, находились подъ обаяніемъ Французской словесности и подчинялись Французскому образу мыслей. Позднѣе онъ сдѣлался секретаремъ герцога Орлеанскаго. Вращаясь въ высшемъ кругу вольнолюбивой Французской знати, поддерживая дружескія связи съ лучшими писателями, Гриммъ составлялъ отчеты о движеніи умовъ во Франціи и пересылалъ ихъ въ Германію своимъ державнымъ благопріятелямъ, въ опредѣленные сроки и взимая за то опредѣленные деньги. Онъ успѣлъ завести въ Парижѣ правильную контору рукописныхъ извѣстій, и нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина получала ихъ отъ него. Въ числѣ благопріятелей находчиваго барона была и великая ланд-

графиня Дармштадтская Каролина, съ которою читатели наши знакомы по письмамъ къ ней Екатерины II-й. Каролина поручила Гримму воспитаніе единственнаго своего сына, который въ 1773 году прѣѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ на свадьбу сестры своей, сдѣлавшейся Русскою великою княгинею. Тогда же явился въ Петербургъ и пріятель Гримма Дидеротъ. Екатерина цѣнила знаменитаго философа и часто допускала его къ себѣ; но въ личныхъ сношеніяхъ она должна была отдавать преимущество Гримму. Эти сношенія мѣтко очерчены А. А. Половцевымъ (хотя по отношенію къ другому лицу). Про Гримма можно тоже сказать, что «готовый безмолвно выслушать, безпрекословно исполнить, онъ олицетворялъ своимъ обществомъ то временное успокоеніе, въ которомъ нуждаются самые неутомимые труженики. Разговоръ о погодѣ, невинная сплетня, журнальная ошибка, безобидная шутка, все это можетъ занимать не однихъ темныхъ людей; а раздѣлять подобное занятіе съ человѣкомъ вполнѣ благовоспитаннымъ, умѣющимъ цѣнить довѣріе, не щущимъ случая вернуть намѣкъ или сарказмъ, составляетъ удовольствіе, которымъ сильные міра не могутъ не дорожить болѣе другихъ» (Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества. XVII, стр. VI). Подобнаго рода письменную бесѣду и вела Екатерина съ барономъ Гриммомъ, которому надо отдать ту честь, что онъ сумѣлъ пріучить Государыню къ перепискѣ съ собою, искренно преклоняясь передъ ея гениемъ и сдѣлавшись самымъ усерднымъ и надежнымъ исполнителемъ ея заграничныхъ порученій.

Первоначально могло быть и еще побужденіе, по которому Екатерина часто призывала къ себѣ Гримма и подолгу съ нимъ бесѣдовала: ей хотѣлось черезъ него достать рукопись Рюльера, описавшаго ей восшествіе на престолъ. Передъ тѣмъ Рюльеръ получилъ должность исторіографа при Французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Свою рукописную книгу поднесъ онъ тогдашнему дофину (Людовику XVI), который на поляхъ ея сдѣлалъ любопытнѣйшія отмѣтки (нынѣ напечатанныя въ XI Книгѣ «Архива Князя Воронцова»). Для Екатерины было крайне заманчиво прочитать рассказъ очевидца о центральному днѣ ея жизни. Извѣстно, что авторъ общалъ не печатать книги при жизни Государыни, что и было исполнено. Но Гриммъ и Дидеротъ, завѣдомо для Екатерины, читали «Исторію переворота 1762 года»¹⁾, и стало быть, она видѣла въ нихъ людей, уже знакомыхъ съ нею и съ тайною ея удивительнаго воцаренія.

Вотъ какъ описываетъ Гриммъ первую свою бесѣду съ Екатериною. «Я былъ позванъ къ ней, только что удалившейся, послѣ вечерняго собранія, во внутренніе покои. Она меня встрѣтила съ тѣмъ величавымъ выраженіемъ достоинства, которое было въ ней такъ естественно, но не имѣло въ себѣ ничего строгаго; тѣмъ не менѣе оно меня смутило. «Ну что же», сказала она, «вы желали переговорить со мною; что имѣете вы сказать мнѣ?»—«Государыня», отвѣчалъ я, «если ваше величество сохраните этотъ взглядъ, то придется уйти, потому что голова моя не будетъ свободна, и слѣд. напрасно будетъ злоупотреблять минутами, которыми вамъ угодно меня удостоить». При этихъ словахъ моихъ, улыбка снова засіяла на лицѣ ея, и она сказала: «Садитесь, поговоримъ о нашемъ дѣлѣ»²⁾.

1) Она имѣется у насъ въ рукописномъ Русскомъ переводѣ М. Н. Лонгинова.

2) Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества II, 327: рассказъ самого Гримма.

Дѣло состояло въ томъ, что Екатерина предлагала Гримму, черезъ президента Академіи Наукъ графа Орлова, поступить къ ней въ службу. Гриммъ отказался за преклонностью лѣтъ, но съ этого разговора и до самой кончины Государыни онъ сдѣлался ея повѣреннымъ и велъ съ ней непрерывную переписку, исполняя порученія по части пріобрѣтенія книгъ и художественныхъ произведеній, получая за то щедрое вознагражденіе и умѣя сохранять притомъ нѣкоторую свободу отношеній. Около полугода онъ прожилъ въ Петербургѣ, при дворѣ, просто гостемъ Государыни, между тѣмъ какъ воспитанникъ его ландграфъ Дармштадтскій поступилъ въ Русскую службу и отправился на войну, которая тогда велась у насъ съ Турціею.

Въ это время, т. е. осенью 1773 и весной 1774 года (въ самый разгаръ Пугачевщины) между придворною молодежью обращалъ на себя общее вниманіе второй сынъ графа Румянцева-Задунайскаго, 18-лѣтній даровитый графъ Сергѣй Петровичъ. Въ своей автобіографіи онъ рассказываетъ, что Государыня съ похвалами отзывалась о немъ Гримму. Мать молодого человѣка, обер-гофмейстерина великой княгини Натальи Алексѣевны, предложила Гримму путешествовать по Европѣ съ обоими ея сыновьями, графомъ Сергѣемъ и старшимъ его братомъ (впослѣдствіи государственнымъ канцлеромъ). Гриммъ отвезъ ихъ сначала въ Лейденскій университетъ, а потомъ ѣздилъ съ ними къ Вольтеру и въ Италію ³⁾. Только что они уѣхали изъ Петербурга, получено было извѣстіе о кончинѣ ландграфини Каролины (+ 30 Марта 1774 ст. ст.), и плачемъ по ней начинаются Екатерининскія письма къ Гримму. Ландграфиня умерла совершенно одна, отославъ отъ себя родныхъ и приближенныхъ и велѣла похоронить себя въ саду, въ особомъ склепѣ, который былъ тайкомъ ото всѣхъ ею самою устроенъ. Екатерина сочувствовала этой женщинѣ, можетъ быть, и потому, что находила въ ней нѣкоторое сходство съ собою: и для нея письменный столъ, книги и сношенія съ философами служили замѣною супружескаго счастья; мужъ Каролины, подобно Петру III-му, беззавѣтно предавался потѣхамъ воинскихъ обрядностей, истощая скудные средства страны своей на затѣи бесплоднаго солдатства. П. Б.

1774 годъ.

4.

25 Апрѣля ст. с. 1774 ⁴⁾.

Господинъ Гриммъ! Я получила вчера ваше письмо изъ Риги отъ 19-го Апрѣля. Не вы одни плакали съ г. Ридезелемъ ⁵⁾: онъ и меня заставилъ расплакаться. Ландграфиня была безпримѣрная женщина. Какъ она умѣла умереть! Когда придетъ мой чередъ, я постараюсь взять съ нея примѣръ и также прогоню всѣхъ плакъ. Я хочу, чтобъ въ эти минуты вокругъ меня были люди закаленного сердца, либо завзятые смѣхотворы.

³⁾ Р. Архивъ 1869, 843.

⁴⁾ Екатерина отмѣчала всѣ письма свои за границу старымъ стилемъ. Ниже мы увидимъ, какъ она отстаиваетъ употребленіе этого стиля.

⁵⁾ Одинъ изъ чиновниковъ Дармштадтскаго двора, пріѣзжавшій въ Петербургъ, по случаю свадьбы Натальи Алексѣевны.

Вы у меня спрашиваете: «какъ выбраться изъ моихъ владѣній?» Могу отвѣчать на это лишь словами Мольера: «Жоржъ Дандень, ты самъ захотѣлъ того». Впрочемъ отъ васъ зависитъ вернуться. Вы съ великою радостью праздновали въ Курляндіи сорокъ шестую годовщину моего рожденія. Поздравляю васъ; сама я ненавижу этотъ день: прекрасный подарокъ онъ мнѣ приноситъ! Каждый разъ лишній годъ, безъ котораго я могла бы отлично обойтись. Скажите по правдѣ, вѣдь было бы прекрасно, если бы императрица всю жизнь оставалась въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ?

Но прощайте, господинъ Гриммъ; письмо мое начинаетъ походить на болтовню послѣ восьми часовъ въ Царскомъ Селѣ. Глупцы, которые прочтутъ его прежде васъ, могутъ счесть непристойнымъ, что такія важныя особы, какъ вы и я, пишемъ подобныя письма. Вамъ извѣстно, что всякій обязанъ имѣть уваженіе къ ближнему своему, и вы знаете, какимъ уваженіемъ пользуется г. Томъ⁶⁾; посему изъ уваженія къ глупцамъ, которые еще глупѣе друга Тома, кончаю письмо, желая вамъ добраго здоровья и счастливаго пути.

Оренбургъ освобожденъ, и какъ я предсказывала, комедія кончится кнутаомъ и висѣлицею, къ которымъ я не чувствую склонности больше прежняго; но я понесла чувствительную утрату: генераль Бибиковъ, въ 13 дней, умеръ отъ горячки, въ двухъ стахъ верстахъ передъ Оренбургомъ.

Гриммъ, конечно, пришелъ въ восхищеніе отъ письма Екатерины и отвѣчалъ ей цѣлою тетрадью. Екатерина испугалась такого письменнаго усердія и пишетъ ему:

2.

19 Іюня 1774.

Прежде всего, господинъ философъ, не обольщайте себя и не думайте получить отвѣтъ въ 12 страницъ. Это чистая невозможность: нынче даже и въ Вецларѣ⁷⁾ сокращаютъ письмоводство. Вы скажете: «вотъ и видно, что имѣешь дѣло съ царственнымъ лицомъ; у этихъ людей всегда есть отговорка». Неправда. Ищите другой причины, и если напр. объясните мою краткость лѣнью, то будете недалеко отъ настоящей причины. Я очень люблю получать письма въ 12 страницъ, коль скоро ихъ пріятно читать, какъ ваше изъ Дрездена; но, говоря откровенно, обязанность отвѣчать на нихъ не доставляетъ мнѣ такого же удовольствія. Не люблю я частыхъ совѣщаній съ докторами⁸⁾: эти шарлатаны всегда сдѣлаютъ вамъ больше вреда чѣмъ пользы; примѣръ—Людovicъ XV; у него ихъ было десять человѣкъ, и онъ тѣмъ не менѣе mortus est⁹⁾. Кажется, чтобы умереть отъ ихъ рукъ, было тутъ девять лишнихъ. По моему, стыдно королю Франціи, въ XVIII столѣтіи, умереть отъ оспы; это варварство! Мнѣ сказывали, что императрица Россійская посылала Людовiku XV че-

⁶⁾ Комнатная собачка Екатерины.

⁷⁾ Въ Вецларѣ разбирались мелочные споры между многочисленными членами Германской имперіи.

⁸⁾ Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Гриммъ былъ боленъ: онъ страдалъ засореніемъ кишекъ, надъ чѣмъ нерѣдко шутила Екатерина.

⁹⁾ Людовикъ XV скончался въ Маѣ мѣсяцѣ этого 1774 года

резъ г. Дюрана ¹⁰⁾ разумный, челоуѣколюбивый и дружескій совѣтъ, чтобы онъ, не медля ни секунды, приказалъ Димсдалю привить себѣ оспу. Миѣ сказывали также, что она больше чѣмъ кто другой имѣла право подать подобный совѣтъ, сдѣлавъ удачный опытъ надъ собой и надъ своимъ сыномъ.

Г. Томъ долженъ весьма чувствовать ту честь, что вы его помните; но онъ съ нѣкотораго времени болѣе пребываетъ въ нѣдрахъ своего семейства, чѣмъ со мной: онъ влюбленъ до безумія въ свою супругу и въ пятерыхъ дѣтей, которыя на него похожи какъ двѣ капли воды. Вся сія свора прогуливается со мною по всевозможнымъ садамъ, а за симъ скрытно удаляется въ свою хижину, куда за ними слѣдуетъ родитель, жертвующій для нихъ и царскими палатами, и парчевыми диванами, и креслами, и философско-комическими бесѣдами.

Усиленіе Потемкина возвѣщено Гримму слѣдующими строками:

3.

Въ Петергофѣ, который, ни миѣ ни Томъ не нравится, но гдѣ, однако, мы оба уже находимся цѣлый мѣсяць. 14-го Іюля 1774.

Вы и ваши единомышленники подозрѣваете другихъ въ перемѣнчивости. Знаю, откуда это подозрѣніе; навѣрное отъ того, что, когда вы были здѣсь, я отдалилась отъ нѣкоего превосходнаго, но весьма скучнаго гражданина ¹¹⁾, котораго немедленно, и сама точно не знаю какъ, замѣнилъ величайшій, забавнѣйшій и пріятнѣйшій чудакъ, какого только можно встрѣтить въ нынѣшнемъ желѣзномъ вѣгѣ.

4.

С.-Петербургъ, 3-го Августа (1774), день молебна по случаю мира, что бы тамъ ни думали.

Что вы будете дѣлать у герцога Орлеанскаго? Блеснуть у него вамъ нельзя, такъ какъ онъ живетъ въ ссылкѣ,—аминь. Пальцевъ я себѣ болѣе не царапаю: съ тѣхъ поръ какъ вы уѣхали, не связала ни одинаго узла. Теперь я начала вязать одѣяло для моего друга Томаса, а генераль Потемкинъ собирается украсть его. Ахъ, что за свѣтлая голова у этого челоуѣка! Ему болѣе, нежели кому нибудь, мы обязаны этимъ миромъ. И при всей своей дѣльности онъ чертовски забавенъ.

5.

30-го Августа 1774.

Нынче знаменитый день: вопервыхъ потому, что утромъ я прошла пѣшкомъ три версты съ половиной за крестнымъ ходомъ изъ Казанскаго собора въ Александроневскую лавру; а вовторыхъ, вечеромъ имѣла честь получить ваше посланіе въ двѣнадцать страницъ. Долгое сіе посланіе начинается настоящею проповѣдью о мирѣ, изъ чего я могу заключить, что господинъ баронъ весьма доволенъ тѣмъ, что миръ подписанъ. За проповѣдью слѣдуютъ удивительные комплименты

¹⁰⁾ Французскій посланникъ у насъ.

¹¹⁾ Василия Семеновича Васильчикова.

господину Томà, который въ эту минуту храпитъ изо всѣхъ силъ на Турецкомъ диванѣ позади меня. Вы, Французскія собаки, и не подозреваете, что могутъ существовать подобныя диваны; генералъ Потемкинъ ввелъ ихъ въ употребленіе, и они такіе просторныя, что на нихъ могутъ ежиться и корчиться хотъ двѣнадцать человѣкъ съ испорченными кишками. И такъ, если останетесь въ Парижѣ, совѣтую приобрести подобный диванъ; если же Жоржъ Данденъ рѣшится вернуться сюда, то я сама ему куплю на свой счетъ.

И такъ Томà храпитъ, дочка его возится въ передней, а я пишу и пишу такое письмо, что еслибы мы съ вами были люди благоразумные, то сожгли бы его до отправленія на почту вмѣстѣ съ остальными нашими письмами; а то я право боюсь, чтобы они когда нибудь не попали въ архивъ сумасшедшаго дома.

6.

30-го Сентября 1774.

Послушать васъ, такъ можно подумать, что я всюду съю смуты, точно маркизь Пугачевъ. Кстати, ему дорога прямая на висѣлицу, къ вашему удовольствію, конечно? Маркиза поймали, заковали и заточили.

7.

24-го Октября 1774.

Кажется, я имѣла счастье получить экземпляръ новаго изданія «Petit Prophète de Böhmschbroda»¹²⁾, но не успѣла на него взглянуть, какъ Потемкинъ въ ту же минуту овладѣлъ книгою. Это у него старая привычка, которую онъ приобрѣлъ во время своихъ набѣговъ на непріятельскую страну. Онъ воевалъ такимъ образомъ шесть лѣтъ съ большою пользою для отечества, но себѣ богатства не нажилъ, потому что всегда свою долю отдавалъ солдатамъ. Такой способъ войны не всегда и не всѣмъ удается. Какъ вамъ извѣстно, маркиза Пугачева везутъ теперь изъ Симбирска въ Москву, связаннаго, окрученнаго, словно медвѣдя, а въ Москвѣ его ожидаетъ висѣлица. Повидимому, негодай не отличается большимъ смысломъ, потому что онъ надѣется на помилованіе; впрочемъ, можетъ быть, вообще человѣкъ не можетъ существовать, не предаваясь обманчивымъ надеждамъ. Въ Москву я поѣду со всѣмъ дворомъ или въ концѣ Декабря, или въ началѣ Января.

8.

3-го Декабря 1774.

Симъ имѣю честь увѣдомить васъ, что большое письмо ваше изъ Парижа, № 5, мною получено. Упоминаю объ этомъ, потому что я всегда думала, что все, чтò идетъ оттуда, должно быть необычайно остроумно; но я должна вамъ замѣтить, что это письмо ваше отзывается Сѣверомъ, т. е., выражаясь яснѣе, вы, господинъ философъ, (не въ обиду будь сказано) говорите вздоръ, и дѣйствія ваши проти-

¹²⁾ Сочиненіе Гримма о превосходствѣ Итальянской музыки передъ Французскою.

ворѣчать вашимъ словамъ, какъ и слѣдуетъ всякому честному и прямому человѣку. Я могла бы вамъ это доказать какъ дважды два четыре, но не хочу, по той причинѣ, что у меня теперь лихорадка, и горло болитъ, и желудокъ разстроенъ; а я, чтобъ примѣрно наказать себя, не прибѣгая къ шарлатанамъ, посадила себя на хлѣбъ и на воду. Вы знаете, что отъ голода является аппетитъ, а отъ неудовлетвореннаго аппетита дурное расположеніе духа; вотъ поѣтому вы и должны мнѣ вѣрить на слово, не требуя отъ меня никакихъ доказательствъ. Доказательства я вамъ приведу въ другой разъ, господинъ торговецъ портретами.

Поздравляю васъ, какъ обитателя Пале-Рояля, съ восстановленіемъ стариннаго парламента.

Къ концу мѣсяца уѣзжаю въ Москву, и тогда пріѣзжай туда всякъ кто можетъ, всякъ кто хочетъ! А вы, пріѣдете тоже? Я съ прилежаніемъ прочтала ваше описаніе модныхъ дамскихъ причесокъ въ Парижѣ, но не подумаю подражать. Маркизь Пугачевъ все продолжаетъ лгать, оговариваетъ людей, отрекается отъ прежнихъ словъ; но все это ни къ чему не послужить.

Вамъ посылаютъ поклонъ г. Томасъ, любимая его дочка и господинъ Томасъ, четырехмѣсячный его сыночекъ, который своею веселостію, причудами, живостію и дерзостію превосходитъ всѣхъ прочихъ членовъ семьи; можетъ быть, поѣтому-то онъ милѣе всѣхъ. Всѣ они храпятъ около меня, и для меня эти звуки, что для другихъ—пѣніе птицъ.

9.

21-го Декабря 1774.

Чрезъ нѣсколько дней комедія съ маркизомъ Пугачевымъ кончится; приговоръ уже почти готовъ, но для этого нужно было соблности кое-какія формальности; розыскъ продолжался три мѣсяца, и судьи работали съ утра до ночи. Когда это письмо дойдетъ къ вамъ, вы можете быть увѣреннымъ, что уже никогда больше не услышите объ этомъ господинѣ. Можно подумать, что вы просто худѣете оттого, что я живу въ мирѣ и согласіи съ любезнымъ моимъ братомъ Абдуломъ. Вотъ вамъ за то, что вы говорите, будто я разрушаю чужое семейное счастье. Знайте, милостивый государь, разъ навсегда, что я никогда не вмѣшивалась въ чужія семейныя дѣла; но чаще бывало, что другіе желали вмѣшаться въ мои. Бывало также не разъ, что меня просили помирить тѣхъ, кто между собою ссорились, и тогда я, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, дѣлала все, что могла, въ надеждѣ добра; но, право, поправлять худое весьма трудно. Спаситель сказалъ тоже самое 1750 лѣтъ тому назадъ или около того. Я имѣю право упоминать объ этомъ, больше чѣмъ иные (я ихъ не называю, чтобъ не затруднять почтовыхъ чиновниковъ): они призываютъ небо въ свидѣтели, и въ тоже время осмѣливаются думать, что тамъ ничего нѣтъ или что-то въ этомъ родѣ. Но лучше не говорить объ такихъ мудреныхъ вещахъ. Давайте говорить о чемъ нибудь другомъ.

Два различные разсказа о путешествіи принца Генриха одинаково вѣрны: дѣло въ томъ, что принцъ Генрихъ, исполняя давнишнее обѣщаніе, хотѣлъ пріѣхать къ намъ, чтобы отпраздновать заключеніе мира, но этому помѣшала моя поѣздка въ Москву. Тогда онъ думалъ было ѣхать туда же, но ему представили, что городъ сильно пострадалъ отъ пожара, бывшаго прошлымъ лѣтомъ, и было бы весьма трудно найти для него помѣщеніе вблизи отъ двора и еще труднѣе доставить удобства и удовольствія, возможные въ Петербургѣ; въ окрестностяхъ Москвы нѣтъ ни одного загороднаго дворца, гдѣ можно бы съ удобствомъ прожить лѣто. Тогда онъ согласился отложить свой пріѣздъ до возвращенія двора въ Петербургъ. Совѣтую и вамъ воспользоваться этимъ случаемъ.

Мамзель Кардель и г-нъ Вагнеръ ¹³⁾ имѣли дѣло съ непутной головой, которая все, что ей ни говорили, принимала на выворотъ. Вагнеръ желалъ «испытаній» совсѣмъ инаго рода, а упрямая головушка думала про себя: для того, чтобы быть чѣмъ нибудь на семь свѣтѣ, нужно имѣть кое-какія необходимыя качества; заглянемъ поглубже въ душу, имѣются ли у насъ сіи качества? Если нѣтъ, то нужно ихъ развить. Мартинъ Лютеръ былъ неучъ и научить этому никакъ не могъ. — Изъ Берлина мнѣ сообщаютъ о молодомъ человѣкѣ ¹⁴⁾ тоже самое, что и вы писали; у него два качества: не золь и не гордъ. Если онъ захочетъ остаться въ Москвѣ, отговаривать не стану. Сестра его все больна, да иначе и быть не можетъ: она во всемъ любитъ крайности. Коли танцовать, то десятка два контредансовъ, столько же менуэтовъ, а Нѣмецкіе танцы уже безъ счету; чтобы въ комнатахъ жарко не было, не нужно и совсѣмъ топить; иные натираютъ лицо льдомъ, ну а мы будемъ тереть все тѣло льдомъ: середины ни въ чемъ нѣтъ. Изъ опасенія злыхъ людей, мы всѣхъ на свѣтѣ подозрѣваемъ и не слушаемся никакихъ совѣтовъ, ни дурныхъ, ни хорошихъ; словомъ, не видно ни привлекательности, ни ума, ни благоразумія, и Господь вѣдаетъ, чѣмъ все это кончится. Представьте, что вотъ прошло уже полтора года, а она слова не умѣетъ сказать порусски; все хочетъ, чтобы ее учили, а сама не хочетъ ни минуты заняться этимъ дѣломъ. Все у насъ вертится кубаремъ: и того не терпимъ, и этого не любимъ, долговъ больше нежели имѣнія; однако едва ли кто нибудь въ Европѣ получаетъ столько, сколько они ¹⁵⁾. Ну будетъ, не слѣдуетъ отчаяваться въ молодыхъ людяхъ, да и слишкомъ ворчать тоже не годится; не нужно огорчать ни истовъ, ни неистовъ, ни людей съ поврежденными кишками. Скажу вамъ новость: императрица Россійская опять захворала и очень сильно, новою болѣзнию, которая называется законо-

¹³⁾ Наставница и учитель Екатерины во время молодости ея въ Штетинѣ. О нихъ будетъ еще говорить въ дальнѣйшихъ письмахъ.

¹⁴⁾ Молодомъ герцогѣ Дармштадтскомъ.

¹⁵⁾ Точно такъ и Елисавета Петровна была убѣждена, что Екатерина и супругъ ея много имѣютъ денегъ на свое содержаніе.